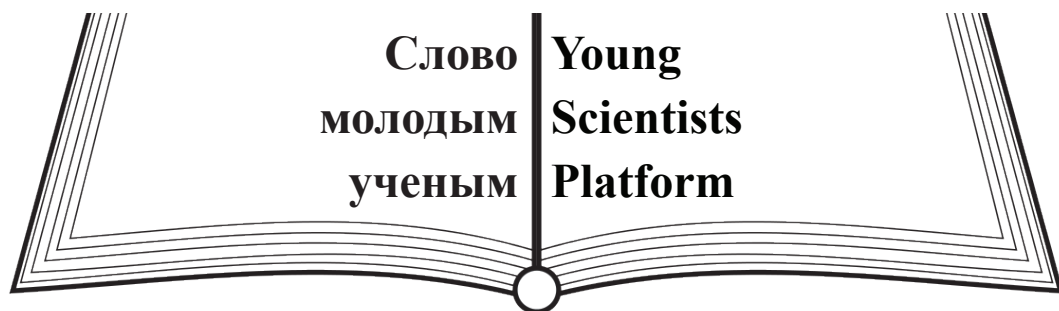

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЯЗЫКА ГУАРАНИ В ПАРАГВАЕ

Нуриджанян Роза Геворковна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>.

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования социолингвистического статуса языка гуарани в диахроническом аспекте. Автор рассматривает положение индейского языка с момента колонизации Парагвая (1537 г.) до начала XXI в., дается оценка статуса языка в разные исторические периоды с позиций моно- и билингвизма. При анализе автор опирается на данные, отраженные в нормативных документах, законах, декретах, а также рассматривает уникальные материалы парагвайской периодической печати XIX в. В работе также предпринята попытка установить связь между парагвайской национальной идентичностью и социолингвистическим статусом языка гуарани.

Ключевые слова: социолингвистика, билингвизм, диглоссия, испанский язык, язык гуарани, Парагвай, языковая политика.

Для цитирования: Нуриджанян, Р. Г. (2022). К вопросу о социолингвистическом статусе языка гуарани в Парагвае. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

Original article

UDC 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

ON THE GUARANI LANGUAGE IN PARAGUAY SOCIOLINGUISTIC STATUS

Roza G. Nuridzhanyan

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>.

Abstract. The article analyzes the way the sociolinguistic status of the Guarani language was formed in the diachronic aspect. The author examines the position of the Indian language from the moment of Paraguay colonization (1537) until the beginning of the XXI century, assesses the status of the language in different historical periods from the standpoint of mono- and bilingualism. In the analysis the author relies on the data displayed in normative documents, laws, decrees, and also considers the unique materials of the Paraguayan periodical press of the XIX century. The paper also attempts to establish a link between the Paraguayan national identity and the sociolinguistic status of the Guarani language.

Keywords: sociolinguistics, bilingualism, diglossia, Spanish, Guarani, Paraguay, language policies.

For citation: Nuridzhanyan, R. G. (2022). On the Guarani language in Paraguay sociolinguistic status. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

В разные исторические периоды Парагвай называли так: «Американский Китай», «остров, окруженный землей», «сердце Америки» [1, р. 9]. Уместно предположить, что на выбор подобных характеристик повлияла изолированность страны, а также загадочность местных жителей и их языка.

Колонизация Парагвая началась 15 августа 1537 г., и уже в начале XVII в. можно говорить о намечающейся административно-географической сепарации страны от остального континента. Историки связывают этот факт с тем, что сам Парагвай не представлял экономического интереса для Короны [1, р. 11]. Это, в свою очередь, поспособствовало тому, что страна начала развиваться вразрез с тенденциями, складывающимися среди стран Латинской Америки в целом. Колонизаторы не смогли полностью разрушить образ жизни местного индейского населения; более того, они сами приняли активное участие в признании нового социального пласта населения — метисов. Таким образом, в Парагвае происходила скорее *гуаранизация* завоевателей, чем *испанизация* коренных жителей страны, что наблюдалось, например, в соседних странах, таких как Аргентина [2, с. 320].

Испанский конкистадор Альвар Нуньес Кабеса де Вака после своей поездки в Парагвай в 1542 г. говорит об *испанизации* страны, однако кардинальные изменения в языковой ситуации произошли довольно быстро. Так, уже в 1594 году испанские путешественники, побывавшие в стране, пишут о влиянии, которое оказывают на испанское население местные жители: «Las gentes nacidas en España se van acabando en esta tierra». А в 1625 г. уже высказывают опасения о пагубном воздействии, которому подвергается испаноязычная часть, перенимая традиции, обычаи и в том числе язык индейцев: «Los hijos de los nobles conquistadores corren al riego de adquirir las costumbres de los indios, con grande daño» [3, p. 847].

Особый статус Парагвая среди других колонизованных стран континента подтверждается также и тем, что доминирующим языком оставался родной для местных индейцев гуарани, что позже привело к тому, что кастильский использовался лишь во внешней политике маленькой группой привилегированных образованных элит, в то время как гуарани метисов (отличающийся от гуарани индейского) являлся инструментом общения внутри страны. На данном историческом этапе справедливо утверждение о том, что язык гуарани выполнял функции койне, под которым в современной социолингвистике понимается такое средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка [4, с. 34].

Доминирование языка гуарани на территории Парагвая, фиксируемое на протяжении всего колониального периода, вместе с географической изолированностью, повлияло также и на культурную отстраненность страны. По словам парагвайского писателя Роа Бастоса, такая *гуаранизация* привела к двойной изоляции (исп. *doble encierro*): «Al aislamiento geográfico se superpone el aislamiento idiomático: al cerca de su mediterraneidad, el doble cerco bilingüe: la coexistencia, desde hace cuatro siglos de dos idiomas, el castellano y el guaraní — la lengua del conquistador y la lengua del conquistado — que sirven paralelamente, aunque no complementariamente, como instrumentos de comunicación a toda una colectividad» [5, p. 12].

Геополитическая обособленность Парагвая продолжилась и с приходом иезуитов, которые также называли свои селения Республикой индейцев-гуарани (исп. *Republica de los guaraníes*) (1609–1767). Так, историк Эфраим Кардозо утверждает, что иезуитские миссии установили в стране особого рода уклад, отличающийся отчужденностью («*las Misiones constituyeron un mundo herméticamente cerrado*») [1, p. 15].

Говоря о социолингвистическом аспекте важно отметить, что придание испанскому языку статуса языка как основного средства коммуникации с внешним миром: ведения переговоров и эффективной внешней политики — заложило основу тому, что позже разовьется в диглоссию, которая станет определяющим фактором в описании социолингвистической ситуации в Парагвае [3, p. 850].

Социально маркированное использование языка гуарани представляло опасность для установления власти Короны в Парагвае: испанцы не могли

использовать столь эффективный метод сплочения народа, как языковая политика. По словам святого отца Хосе Кордьеля, в 1747 г. количество жителей Парагвая испанского происхождения приближалось к двадцати тысячам, однако доминирующим языком оставался гуарани, хоть и со множеством варваризмов [6, р. 140].

Сделать вывод о статусе языка гуарани как доминирующего нам позволяет тот факт, что он использовался в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций, а также являлся инструментом бытового общения для значительной части населения. Таким образом, опираясь на современную социолингвистическую терминологию, такую языковую ситуацию в стране можно назвать диглоссией, главной характеристикой которой является наличие особой дифференциации между функциями языков в языковом сообществе [4, с. 36].

Отметим также, что, по воспоминаниям того же Х. Кордьеля, из числа сельского населения наименьшее количество владеющих испанским языком было среди женской части населения, а та часть мужчин, которая и владела языком, знала его на базовом уровне. Гуарани на этих территориях представлял собой скорее смесь кастильского языка и классического гуарани: новый гуарани, образовавшийся благодаря активной метисации.

«En una y otra ciudad, los más saben castellano, pero en las villas y en todas las poblaciones de campo, chacras y estancias no se habla ni sabe por lo común, especialmente entre las mujeres, más que esta lengua corrupta... me fue necesario aprender esta tan adulterada lengua para darme a entender, porque la propia guaraní no la entendían, y menos el castellano» [7, р. 180].

Социолингвистический статус гуарани до 1768 г. Х. Кордьель описывает следующим образом: это язык без письменности и литературы, некодифицированный и формализованный, однако являющийся инструментом общения для всех жителей (исп. *«lengua ni escrita ni literaria, no formal ni oficial, pero general, usual y coloquial»*), что также позволяет нам классифицировать языковую ситуацию как диглоссию.

В 1768 г. губернатор Буэнос Айреса Франсико де Паула Букарелли предпринял попытку изменить языковую ситуацию в стране и составил особую инструкцию, в которой призывал всех граждан использовать кастильский язык в целях приобщения местного населения к европейской культуре и прогрессу (исп. *civilizar perfectamente a estas gentes*). Однако данный проект не увенчался успехом.

Повторную попытку провести *испанизацию* Парагвая предпринял президент Карлос Лопес. Отметим, что на этот раз язык гуарани был под официальным запретом; декретом 1848 г. [8] кастильский был признан единственным государственным языком, а также единственным языком, на котором мог вестись образовательный процесс на всех уровнях. Важно, что именно тогда была проведена реформа всей системы образования, благодаря которой язык гуарани стал языком повседневного общения и, как правило, в сельской местности [9].

Отстаивая концепцию национальной идентичности в XVII–XVIII вв. на законодательном уровне, государство признавало язык гуарани, не ограничивая его бытовой сферой. В XIX в. заметна тенденция к интеграции страны в регион.

Экономическая отсталость, замедленное развитие страны — все это связывалось со всем индейским; таким образом, языковая политика страны определяла не только коммуникативные ситуации для того или иного языка, но и влияла на политическую повестку Парагвая в целом.

Политику Карлоса Лопеса продолжил его сын Франсиско Солано Лопес, однако ситуация изменилась с началом войны против Тройственного альянса (исп. *Guerra contra la Triple Alianza*). В военное время язык приобретает особую значимость, а также становится инструментом формирования национальных идей. Еще в начале XIX в. немецкий философ И. Г. Фихте говорил о языке как об определяющем компоненте нации [10, p. 103]. Со сменой исторического контекста пришло понимание о необходимости обращения к более глубинным чувствам граждан в целях эффективной мобилизации и обороны страны. В этот период гуарани снова обретает статус доминирующего языка, а также ложится в основу зарождающейся национальной идентичности [11, p. 203]. Сам Лопес произносил речи на гуарани, обращался на нем к армии, которая по большей части состояла из монолингвов, говорящих только на гуарани. Индейский язык также выполнял функцию шифра, тайного языка, на котором отдавались распоряжения и составлялись военные планы.

По воспоминаниям участника войны Хуана Крисостомо Сентуриона, «война 1864–1870 года буквально “напитывалась” гармонией и энергией родного языка. Глубокую и страшную трагедию, эту эпоху, проникнутую всеобщим страданием, парагвайцы сумели пережить только благодаря гуарани. То был язык, на котором плакали женщины и на котором ненавидели врага и боролись с ним наши мужчины» [9].

Отметим, что для охвата большей аудитории траншейные газеты¹ (*Cabichui*, *El Centinela*, *Cacique Lambaré*), которые издавались на гуарани, также зачитывались, так как многие солдаты были необразованны и не умели читать. Парагвайская поэтесса Хосефина Пла среди основных причин доминирования гуарани в период войны особо выделяет необходимость поддержания контакта со всем населением: «*en cambio, la utilización del guaraní encuentra su causa en la necesidad de comunicarse con toda la población*» [12, p. 14–15]. Редакторы газет всячески приветствовали использование гуарани; так, *El Centinela* отметила в своей заметке появление новой газеты *Cacique Lambaré*, указав при этом на плюсы использования индейского языка в материалах: «*Habla en guaraní el idioma del corazón, y sabe inflamar el patriotismo, evocando las glorias de nuestros abuelos y haciendo alarde del valor y firmeza de su indómita rasa*» [13, p. 4].

Обращение к языку гуарани как к инструменту формирования национальной идентичности актуализируется во время Чакской войны 1932–1935 гг.² Язык становится инструментом, на который накладывались все те же цели:

¹ Окопная, или траншейная газета — периодическое издание, издающееся в рядах или частными лицами, по содержанию отличается от официальных военных газет, так как их целевая аудитория — сами участники войны. — *Примеч. авт.*

² Вооруженный конфликт за часть области Гран-Чако между Парагваем и Боливией. — *Примеч. авт.*

сплочение народа, обеспечение внутренней безопасности, а также формирование национальных идей. С точки зрения социолингвистики язык распространяется и укрепляется в своих позициях тогда, когда его начинают использовать в как можно больших социальных сферах, а также в случае его закрепления в дискурсах авторитетов [14, р. 6]. Справедливо связать с этим фактом популярность индейского языка и дальнейшее закрепление за ним доминирующего статуса именно в периоды войн, когда особо важным становится сплочение народа.

Несмотря на то что роль индейцев-гуарани в формировании парагвайской национальной идентичности критически важна, во время диктатуры Альфредо Стресснера они подвергались особому преследованию. Языковую политику стресснеровского режима можно характеризовать как двойственную. С одной стороны, в годы правления А. Стресснера язык гуарани был признан на государственном уровне: Конституцией 1967 г. он был признан национальным наряду с кастильским [15]. А статья 92 постулирует в качестве одной из обязанностей государства обеспечение защиты индейского языка, условий для его преподавания, развития и совершенствования (исп. *«protegerá la lengua guaraní y promoverá su enseñanza, evolución y perfeccionamiento»*). С другой стороны, статус государственного языка закреплялся исключительно за кастильским.

Таким образом, признание гуарани одним из двух национальных языков и его легализация в качестве языка образования и устного общения открывает эру парагвайского институционального двуязычия, которое может показаться революционным для общего исторического контекста. Однако, отметим, что постулируемое двуязычие заключалось в использовании индейского языка с целью его дальнейшего поглощения языком колонизатора, т. е. испанским. В этом мы вслед за французским филологом Херардом Гомесом опираемся на одно из условий обеспечения властного доминирования: наличие подавляемого языка для дальнейшей гарантии осуществления господства над ним [16, р. 133].

В процессе демократизации произошло изменение в статусе языка гуарани: новая Конституция 1992 г. признает его одним из двух официальных языков страны [17, р. 40]. Затем в 1993 г. для разработки новой программы билингвального образования была создана Национальная комиссия по вопросам двуязычия (исп. *Comisión Nacional del Bilingüismo*). В 1994 г. по инициативе комиссии была проведена реформа образования, отраженная в Национальном плане двуязычного образования (исп. *Plan Nacional de Educación Bilingüe (PNEB)*), целью которой являлось достижение такой ситуации билингвизма, в которой употребление гуарани и испанского всеми жителями страны было бы скоординировано. Кроме того, внедряются программы по преподаванию языка и культуры гуарани в школе, благодаря которым язык в контексте образования может рассматриваться не только как предмет обучения и как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью, культурным богатством, социальными отношениями, устройством быта народа — носителя языка [18, с. 135].

В XXI в. продолжается тенденция к сохранению и упрочению позиций гуарани. Так, 29 декабря 2010 г. был ратифицирован Закон о языках (исп. *Ley de Lenguas*), поддержавший процесс организации двуязычной системы, зародившейся еще в эпоху А. Стресснера. Законодательный акт расширяет сферы использования гуарани: статья 4 объявляет обязанностью государства обеспечить условия для признания гуарани в качестве официального языка наднациональных организаций, в которые входит Парагвай [19]. Кроме того, в документе кодифицируются аспекты, связанные с двуязычным образованием, языковой дискриминацией, правами и обязанностями государства с сфере языковой политики.

В 2012 г. образованы сразу две институции, регулирующие социолингвистическую ситуацию Парагвая: Секретариат по языковой политике (исп. *Secretaría de la Política Lingüística*) и Академия языка гуарани (исп. *Academia de la Lengua Guaraní*). В задачи Академии входит кодификация орфографии, лексики, грамматики и других языковых аспектов. Она также отвечает за публикацию официальных словарей и грамматик. Особое внимание в уставе уделяется обогащению лексики путем определения наиболее подходящих механизмов, не влияющих на фонетическую и морфосинтаксическую структуру языка.

Диахроническое рассмотрение статуса языка гуарани с позиций моно- и билингвизма, а также краткий исторический обзор формирования парагвайского государства и идентичности подводит нас к следующему выводу: с момента колонизации Парагвая до войны против Тройственного альянса, т. е. с XVI по вторую половину XIX в., страна была практически одноязычной с явным доминированием гуарани. Со второй половины XIX в. до начала XXI в. наблюдается тенденция к установлению билингвизма, который, в свою очередь, постулируется на конституционном уровне и охраняется рядом соответствующих законов и институций.

Список источников

1. Makaran, G. (2016). Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (no) integración nuestroamericana. *Estudios Paraguayos*, Vol. XXXIV, 7–39.
2. Пшеничникова, А. Ю. (2021). Национально-культурная специфика аргентинской языковой картины мира. *Genesis: исторические исследования*, 12, 318–331. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37183
3. Melià, B. (2005). Ese famoso (y dichoso) bilingüismo paraguayo. *El Español en el Mundo. Anuario dEl Instituto Cervantes*, 831–882. https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_05/melia/p01.htm
4. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001). *Социолингвистика*. Москва.
5. Roa Bastos, A. (1984). La narrativa paraguaya en el contexto de la narrativa hispanoamericana actual. *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, año 10 (19) CEPACP, 7–21.
6. Melià, B. (1973). Diglosia en el Paraguay o la comunicación desequilibrada. *Suplemento Antropológico*, Vol. VIII (1,2), 133–140.
7. Makaran, G. (2014). *Paraguay: el nacionalismo y sus mitos*. CIALC-UNAM.

8. López, C. A. El Decreto del 7 de octubre de 1848 del Presidente. (2022, 17 июля). <http://www.cultura.gov.py/2011/05/el-decreto-del-7-de-octubre-de-1848-del-presidente-carlos-antonio-lopez/>
9. Centurión, J. C. (1894). *Memorias o reminiscencias históricas sobre la Guerra del Paraguay* (sin fecha de edición). University of California.
10. Кузнецова, Е. В. (2011). Язык и национальная идентичность. *Омский научный вестник*, 3 (98), 102–105.
11. Johansson, M& L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222.
12. Plá, J. (1984). *El grabado: instrumento de la defensa*. Alcor.
13. *El Centinela*, 18 (22.08), 1867. (2022, 17 июля). <http://bibliotecanacional.gov.py/hemeroteca/el-centinela-1867/>
14. Corvalán, G. (2005). La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay. *Población y desarrollo* núm, 30, 3–20.
15. Constitución de la República del Paraguay de 1967. (1976). *Artículo*, 5. <http://pdba.georgetown.edu/constitutions/paraguay/para1967.html>
16. Gómez, G. (2006). *El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa. Evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística*. Servi Libro. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=597403>
17. Constitución de la República del Paraguay de 1992. (1992). https://www.constituteproject.org/constitution/Paraguay_2011.pdf?lang=es
18. Григорьева, Е. Я., Черкашина, Е. И. (2019). Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры. *Рема. Rhema*, 3, 133–147.
19. Ley № 4251. De lenguas El congreso de la Nación Paraguaya 2011.

References

1. Makaran, G. (2016). Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (no) integración nuestroamericana. *Estudios Paraguayos*, Vol. XXXIV, 7–39.
2. Pshenichnikova, A. Yu. (2021). Nacional'no-kul'turnaya specifika argentinskoj yazy'kovej kartiny' mira. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 12, 318–331. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37183 (In Russ.).
3. Melià, B. (2005). Ese famoso (y dichoso) bilingüismo paraguayo. *El Español en el Mundo. Anuario dEl Instituto Cervantes*, 831–882. https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_05/melia/p01.htm
4. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolingvistika*. Moskva. (In Russ.).
5. Roa Bastos, A. (1984). La narrativa paraguaya en el contexto de la narrativa hispanoamericana actual. *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, año 10 (19) CEPACP, 7–21.
6. Melià, B. (1973). Diglosia en el Paraguay o la comunicación desequilibrada. *Suplemento Antropológico*, Vol. VIII (1, 2), 133–140.
7. Makaran, G. (2014). *Paraguay: el nacionalismo y sus mitos*. CIALC-UNAM.
8. López, C. A. (2022, 17 July). El Decreto del 7 de octubre de 1848 del Presidente. <http://www.cultura.gov.py/2011/05/el-decreto-del-7-de-octubre-de-1848-del-presidente-carlos-antonio-lopez/>

9. Centurión, J. C. (1894). *Memorias o reminiscencias históricas sobre la Guerra del Paraguay* (sin fecha de edición). University of California.
10. Kuznecova, E. V. (2011). Yazy'ki i nacional'naya identichnost'. *Omskij nauchny'j vestnik*, 3(98), 102–105. (In Russ.).
11. Johansson, M& L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222.
12. Plá, J. (1984). *El grabado: instrumento de la defensa*. Alcor.
13. *El Centinela*, 18 (22.08), 1867. (2022, 17 July). <http://bibliotecanacional.gov.py/hemeroteca/el-centinela-1867/>
14. Corvalán, G. (2005). La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay. *Población y desarrollo* núm, 30, 3–20.
15. Constitución de la República del Paraguay de 1967. (1976). *Artículo*, 5. <http://pdba.georgetown.edu/constitutions/paraguay/para1967.html>
16. Gómez, G. (2006). *El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa. Evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística*. Servi Libro. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=597403>.
17. Constitución de la República del Paraguay de 1992. (1992). https://www.constituteproject.org/constitution/Paraguay_2011.pdf?lang=es
18. Grigor'eva, E. Ya., Cherkashina, E. I. (2019). Realizaciya lingvokul'turologicheskogo podxoda k prepodavaniyu romanskix yazy'kov v sisteme podgotovki magistratury'. *Rema. Rhema*, 3, 133–147. (In Russ.).
19. Ley № 4251. De lenguas El congreso de la Nación Paraguaya 2011.

Информация об авторе

Роза Геворковна Нуридзянян — аспирант кафедры иберо-романского языкознания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Roza G. Nuridzhanyan — post-graduate student of the Department of Iberian Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University.